

MONGOLICA-VI

Посвящается 150-летию
со дня рождения А. М. Позднеева

Составитель И. В. Кульганек

Санкт-Петербург

2003

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Ответственный редактор

С. Г. Кляшторный

Редакционная коллегия

Н. С. Яхонтова, С. Д. Дмитриев, И. В. Кульганек

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект 02-04-16155д

Mongolica-VI: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. — 160 с.

М 77

Сборник посвящен 150-летию со дня рождения видного российского монголоведа, профессора кафедры монгольской словесности восточного факультета Санкт-Петербургского Государственного Университета, а позже, в течение 20-ти лет, — директора Восточного института во Владивостоке, — Алексея Матвеевича Позднеева (1851—1920), оставившего большое научное наследие, подготовившего плеяду своих последователей монголоведов: историков, филологов, лингвистов, литературоведов.

В этом сборнике представлены статьи, главным образом петербургских и московских ученых, по проблемам, которые занимали А. М. Позднеева в разные этапы его научной деятельности.

В них развиты мысли, углублены гипотезы, предположения, наблюдения и выводы, высказанные ученым в своих трудах, посвященных истории, этнографии, религии монгольских народов.

«Монголика-6» имеет 4 раздела: «Источниковедение и историография», «Из рукописного наследия», «Литературоведение и фольклористика», «Из архива востоковедов», «Наши переводы».

Сборник статей рассчитан на специалистов-монголоведов, историков науки, культурологов и всех, интересующихся историей России и Центральной Азии.

Корректор — *А. Востоковедова*

Технический редактор — *М. В. Вялкина*. Выпускающий — *О. И. Трофимова*

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

Подписано в печать 20.05. 2003. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 20 печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 1032

Отпечатано с готовых диапозитивов в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 5-85803-250-8

9 785858 1032502

© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, 2003

© И. В. Кульганек, составление, 2003

© «Петербургское Востоковедение», 2003

Зарегистрированная торговая марка

Содержание

<i>И. В. Кульганек</i>	Предисловие	5
<u><i>Н. П. Шастина</i></u>	А. М. Позднеев. (Подготовка к печати, примечания <i>А. Г. Сазыкина</i>)	7
<i>В. Л. Успенский</i>	Монгольские, ойратские и тибетские рукописи и ксилографы, поступившие в Санкт-Петербургский университет от А. М. Позднеева	19
<i>И. В. Кульганек</i>	Фонд А. М. Позднеева в Архиве востоковедов при СПбФ ИВ РАН	24
<u><i>И. И. Йорш</i></u>	Важнейшие события жизни и деятельности А. М. Позднеева	26

Источниковедение и историография

<i>П. О. Рыкин</i>	Монгольская концепция родства как фактор отношений с русскими князьями: социальные практики и культурный контекст.	28
<i>Е. Н. Афонина</i>	К оценке политики тумэтского Алтан-хана (1507—1581)	39
<i>С. В. Дмитриев</i>	Атызы Йоллыг-тегин. Этнод из области тюрко-монгольской традиционной политической культуры	48
<i>В. Н. Митин</i>	Некоторые вопросы деятельности Монгольской комиссии АН СССР в 1941—1953 гг.	55
<i>А. Г. Юрченко</i>	Монгольская мужская прическа XIII века	63
<i>А. А. Бурыкин,</i> <i>О. Ю. Коробейникова</i>	Слова «калмык», «калмыцкий» в русском языке XVIII века	69

Из рукописного наследия

<i>А. Г. Сазыкин</i>	Ойратская версия «Манджушри нама сангити»	73
----------------------	---	----

Литературоведение и фольклористика

<i>Б. М. Нармаев</i>	Гесар и ад	82
<i>А. Д. Цендина</i>	Куда исчез Джамуха?	86
<i>Л. Г. Скородумова</i>	Особенности беллетризации в современной монгольской литературе	91
<i>В. К. Шивлянова</i>	Два варианта монгольской народной охотничьей песни	94

Из архива востоковедов

	Письма В. А. Казакевича к В. Л. Котвичу (1925—1936 годы). (Подготовка к печати, предисловие и примечания <i>А. М. Решетова</i>)	96
<i>А. Г. Юрченко</i>	История изучения «Книги о Тартарах» Иоанна де Плано Карпини	114
<i>Я. П. Шишмарев</i>	Письма Я. П. Шишмарева к Н. М. Пржевальскому. (Подготовка к печати и примечания <i>А. И. Андреева</i>)	118
<i>С. А. Кондратьев</i>	Стихи о Монголии. (Предисловие <i>И. В. Кульганек</i>)	124

Наши переводы

<i>Л. Дашням</i>	Сон (рассказ), Четыре времени года и одно чувство (стихотворение). (Перевод с монгольского <i>Л. Скородумовой</i>)	135
<i>Д. Батбаяр</i>	Небо любимой (рассказ), прозаические миниатюры, афоризмы. (Перевод с монгольского <i>М. П. Петровой</i>)	137
	Монгольские народные песни. (Перевод с монгольского <i>И. В. Кульганек</i>)	142
<i>А. И. Андреев</i>	Открытие музея <i>П. К. Козлова</i>	144
	Рецензии	146

В. Н. Митин

Некоторые вопросы деятельности Монгольской комиссии АН СССР в 1941—1953 годы *

В 1925 г. постановлением СНК СССР была создана Комиссия по научному исследованию Монголии, Танну-Тувинской народной республики и Бурят-Монгольской АССР, занимавшаяся организацией экспедиций на их территории. В 1927 г. она переходит в ведение Академии наук СССР, и в конце 20-х годов за ней закрепляется более короткое, отражающее сферу ее внимания в дальнейшем название — Монгольская комиссия (МОНК). С 1925 по 1932 гг. Монголию посетили более 40 отрядов в составе комплексных экспедиций Комиссии. В результате их работ были получены важные материалы в области геологии, геохимии, почвоведения, археологии, этнографии, лингвистики, топографии, ботаники, зоологии, экономики и даже астрономии. Однако с 1933 г. начинается резкий спад в деятельности Комиссии, и до 1941 г. лишь несколько исследователей выполняли ее задания в МНР. В этом сыграл свою роль и политический фактор, изменивший характер взаимоотношений Монголии и СССР, и репрессии, обрушившиеся на советских ученых в конце 30-х годов.

Годы Великой Отечественной войны для Монгольской комиссии плодотворными не назовешь. Она практически прекращает функционировать, хотя формальной ликвидации ее не было.

Следует, однако, отметить, что война вовсе не привела к прекращению всех работ советских ученых в Монголии. Еще в 1940 г. начинается исследование сенокосно-пастбищная экспедиция под руководством И. А. Цаценкина, занимавшаяся изучением пастбищ, определением их кормовой ценности. Эти исследования являлись продолжением ботанических работ, начатых МОНК в 1926 г. и прерванных в 1932 г. Экспедиция работала до 1943 г. [19]. Один из активных участников экспедиции И. А. Цаценкина А. А. Юнатов остался в распоряжении Комитета наук МНР и продолжает исследования до 1947 г. Работа А. А. Юнатова была высоко оценена в Монголии: он был награжден высшей наградой страны — орденом «Полярная

звезда» и избран академиком МНР при образовании Академии наук МНР в 1961 г.

В течение 1940—1944 гг. в Монголии работал географ Э. М. Мурзаев, прошедший 26 тыс. км по маршрутам страны. С 1943 г. он вместе с зоологом А. Г. Банниковым присоединился к А. А. Юнатову, и их экспедиция приобрела комплексный характер. Вместе с Э. М. Мурзаевым в его маршрутах принимали активное участие молодые монгольские научные работники [16: 165—167; 17].

Почвовед Н. Д. Беспалов проводил исследования в Западной, Восточной части Монголии и Гоби в 1940—1943 гг. Его экспедиция была организована Монгольской комиссией, однако с началом войны, когда МОНК практически прекратила свою деятельность как организационный центр работ в Монголии, руководство почвенными исследованиями ученого взял на себя Комитет наук МНР [20].

По сути, работы периода войны, начатые советскими научными учреждениями, переходят в ведение Комитета наук МНР, что закладывает основу будущих совместных исследований. Кроме того, ряд советских ученых работали в Монголии непосредственно по заданиям Комитета наук. Так, в 1940—1945 гг. растениеводческие исследования в Монголии, организованные Комитетом наук, проводил В. Ф. Шубин совместно с монгольскими учеными [15: 160; 21].

В годы войны продолжались и работы в рамках совместной Восточной геологоразведочной экспедиции, которая начала свою деятельность в 1932 г., заменив в Монголии геологов Монгольской комиссии АН СССР. Однако результаты ее исследований держались в секрете [9, л. 24, 27]. Кроме этих проводились и другие работы, но опять же по заданию Комитета наук МНР.

Можно видеть, что работы советских ученых в Монголии не прерывались даже в период войны, когда все силы, в том числе и научные, были брошены на оборону. Особенность заключается в том, что главным распорядителем работ являлся Комитет наук МНР, и исследования затрагивали в основном сферы,

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 02-03-18235а).

имевшие наиболее важное практическое значение. В это время в работу все больше втягиваются монгольские научные учреждения и кадры, т. е. продолжает закладываться основа совместных экспедиций.

Исследованиями этого времени охвачена почти вся территория МНР, и выходные результаты были достаточно солидны: составлен ряд карт, вышло много монографических работ и публикаций в научных изданиях. Все это должно было быть использовано в практической деятельности по развитию хозяйства Монголии. Нужно отметить, что научные работы в Монголии во время войны имели существенное значение и для СССР, который получал от МНР большое количество столь необходимого продовольствия и сельскохозяйственного сырья.

После окончания Второй мировой войны немалую роль в складывании тенденций научных исследований советских ученых в МНР сыграли изменения в политической ситуации. В это время меняется формальный международный статус Монголии. В результате переговоров между СССР и Китаем в августе 1945 г. состоялся обмен нотами по поводу независимости МНР, которую гоминьдановский Китай ранее не признавал. По выдвинутому китайским правительством условию в Монголии был проведен плебисцит, который показал стопроцентную поддержку населения независимого положения страны. 5 января 1946 г. Китай признал независимость Монгольской Народной Республики [18: 129—133]. Теперь ее легитимность держалась не только на признании Советского Союза. Появляются разносторонние связи с другими государствами. Уже в этих новых условиях 27 февраля 1946 г. между СССР и МНР заключаются Договор о дружбе и взаимопомощи и Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве. В феврале 1950 г. Китайская Народная Республика подтвердила независимость Монголии.

В это время начинается новый этап экспедиционного изучения Монголии, этап более глубоких исследований, когда происходит переход от работ преимущественно АН СССР к совместным советско-монгольским экспедициям. Эти изменения были подготовлены предшествующим периодом, в котором экспедиции проводили исследования с целью накопления общих фактов и знаний. Ученые вели рекогносцировочные, разведочные работы. Деятельность Монгольской комиссии была достаточно эффективна, когда исследовательские учреждения проходили стадию становления, когда формировались научные кадры. Комиссия собирала и организовывала разрозненные научные силы для проведения широких комплексных работ в самых различных сферах в условиях недостаточности знаний о Монголии. Для исследований 20—30-х годов характерен элемент спешки: экспедиции должны были давать скорейший результат. Большое значение в этом имел политический фактор, т. е. подчиненность исследований политическим обстоятельствам и целям. Тем не менее, накопленные факты, опыт исследований, создание кадровой базы специалистов по Монголии, укрепление научно-исследовательских институтов, воспитание монгольских кадров позволили перейти к новому этапу после войны.

Как сказано выше, одной из основных черт нового этапа являлась совместность исследовательских работ,

что было оговорено в соглашениях послевоенного времени. На основании упомянутых Договора и Соглашения, заключенных 27 февраля 1946 г. между правительствами СССР и МНР, 29 октября 1947 г. было подписано Соглашение об усилении научного сотрудничества и проведении совместных научных исследований. На этом комплексе договоренностей строились послевоенные научные контакты [15: 186; 18: 134—137].

Планы исследовательских работ были достаточно обширными. Деятельность Монгольской комиссии возобновляется осенью 1944 г. 30 ноября МОНК направляет в Отделение геолого-географических наук АН СССР письмо, в котором указывается, что Комиссия приступает к постановке работ по всестороннему изучению Монголии и Тувы. В частности, говорится о проведении геологических, почвенных, географических исследований. Разработка конкретных планов намечалась на декабрь—январь в Москве [10, л. 1]. Формально Тува еще находилась в сфере внимания МОНК, но 11 октября 1944 г. Тувинская Народная Республика была включена в состав СССР как автономный округ. Видимо, упоминание ее в письме происходит по инерции, так как его автор заместитель председателя МОНК И. П. Рачковский называет Туву Народной республикой. Для Комиссии это была пора возрождения и надежд, характерных для послевоенного времени — рисуются широкие перспективы, разрабатываются планы. МОНК начинает набирать новый кадровый состав, который должен обеспечить комплексность и широту исследовательских работ. Комиссия представляет в Президиум АН СССР на утверждение в качестве ее членов кандидатуры видных ученых А. А. Григорьева, С. С. Смирнова, Б. К. Шишкина, С. П. Толстова, П. В. Погорельского, С. В. Обручева, Э. М. Мурзаева, членов Комитета наук МНР Дугер-Суруна, Б. Ширендыба, Ринчина. Видна новая деталь, связанная с совместностью предполагаемых работ, — в состав Комиссии включаются монгольские ученые [10, л. 15].

2 июля 1945 г. происходит расширенное совещание МОНК, на котором присутствуют виднейшие специалисты по Монголии в различных областях науки: академик В. А. Обручев, академик Б. Б. Полюнов, П. В. Погорельский, Н. В. Павлов, И. А. Цаценкин, И. П. Рачковский, Э. М. Мурзаев, а также представители Монголии: ректор Монгольского университета Б. Ширендыб, председатель Комитета наук МНР Дугер-Сурун и его член Ринчин. Вел совещание президент АН СССР академик В. Л. Комаров, являвшийся председателем МОНК. В докладах, которые были сделаны, звучал большой оптимизм в отношении перспектив дальнейших исследований. Говорилось о необходимости укреплять и расширять контакты между научными учреждениями двух стран. Монгольская сторона выразила надежду, что советские ученые продолжат оказание научной помощи, и внесла предложение о сосредоточении внимания на экономико-географических, историко-археологических, лингвистических исследованиях. Было решено разработать планы и подготовить договоренности между сторонами о совместных работах [14: 104—105].

Составление планов не вызвало особых проблем. Большое количество институтов Академии наук СССР

откликнулось на предложение провести исследования в МНР. О своей заинтересованности в этом заявили Институты географии, эволюционной морфологии, леса, этнографии и антропологии, востоковедения, ботанический, зоологический, палеонтологический, геологический, Всесоюзное географическое общество. Каждое из этих учреждений обозначило темы своих предполагаемых работ [5, л. 25—26].

В декабре 1945 г. Комиссия понесла утрату, которая, возможно, сказалась на ее дальнейшей судьбе: умирает В. Л. Комаров — председатель МОНК с 1929 г. Он был одним из инициаторов комплексных исследований, поддерживавший МОНК как организационный центр экспедиций в Монголию. В 1946 г. новым председателем Комиссии стал знаменитый геолог академик В. А. Обручев, который, однако, не занимал руководящих постов в Академии наук.

Монгольская комиссия разработала план комплексной экспедиции [3, л. 62—70], которая должна была проводить пятилетние исследования в МНР. Он предусматривал отправку 4-х геологических отряда (Косогольского, Восточно-Монгольского, Хангайского и Гобийского), отдельного Косогольского озероведческого отряда, Монгольского филологического отряда Института востоковедения. Предполагалось также включить в состав комплексной экспедиции и палеонтологическую экспедицию, организованную с особого разрешения Совета Министров СССР. Общее руководство, координация деятельности комплексной экспедиции возлагались на Монгольскую комиссию. У Комиссии отсутствовал собственный хозяйственный аппарат, он должен был быть создан при самой экспедиции.

Работы предполагалось начать летом 1946 г. Однако сразу же возникли различного рода организационные трудности. 29 апреля 1946 г. состоялось совещание начальников отрядов намечаемой комплексной экспедиции [1, л. 1—2]. Присутствовали начальники озероведческого и трех партий геологического отрядов и экономико-географической группы. Выяснилось, что отряды будут готовы к выезду только в первых числах августа. Некоторые работы, учитывая специфику монгольского климата, начинать в это время уже бессмысленно. В итоге было решено в текущем 1946 г. ограничиться предварительным подготовительным выездом одного-двух отрядов, чтобы в следующем году приступить к полноценной работе. Одной из главных причин сложившейся ситуации считали плохую организацию экспедиции. Для исправления этого положения во главе оргработы решено было поставить П. В. Погорельского, имевшего в этих вопросах весьма богатый опыт. Любопытно, что на совещании подчеркивалось, что инициатива в организации комплексной экспедиции целиком исходит от МНР. Так или иначе, но в Монголию в 1946 г. выехала только Палеонтологическая экспедиция под руководством И. А. Ефремова, которая, по всей видимости, действовала независимо от МОНК.

Работы сместились на следующий год. Комитет наук МНР, крайне заинтересованный в проведении исследований, 17 ноября 1946 г. представил свои конкретные соображения по тем проблемам, которым должно быть уделено место в плане работ [5, л. 21]. На первое место ставилось составление учебника по

истории монгольского народа, изучение этнографии народов МНР, археологическое изучение памятников истории, исследования по истории культуры монгольского народа, составление учебников грамматики монгольского языка и литературы. Духовной сфере отдавалось определенное предпочтение. Далее речь шла о географическом изучении страны, исследовании минеральных источников, ресурсов строительных материалов для строительства в Улан-Баторе, а также водных, кормовых, почвенных ресурсов, экономики животноводства.

В декабре 1946 г. был составлен новый план экспедиционных работ уже на 1947—1952 гг. [5, л. 65—72]. Намечались общие цели: способствовать развитию совместных научных исследований и самостоятельных советских и монгольских работ; обеспечивать обмен информацией между АН СССР и монгольскими научными учреждениями, а также оказывать помощь МНР в связи с генеральными задачами развития народного хозяйства и культуры. Предыдущие работы в этих областях были признаны недостаточными. Сам план, по сравнению с предыдущим, претерпел значительные изменения. Теперь основными становятся исследования сельского хозяйства, прежде всего животноводства. Ставилась задача добиться улучшения положения в этой главной отрасли экономики, дела в которой обстояли неблагоприятно. Предполагалось также изучение сопутствующих сфер: гидрологическое обследование водоснабжения, исследование почв. В результате должны были быть даны оценки, рекомендации по мероприятиям, прогнозы дальнейшего развития. Все эти задачи возлагались на экономико-географическую группу, на базе которой затем была образована Монгольская сельскохозяйственная экспедиция. Первоначально проведение такой экспедиции возлагалось непосредственно на Институт географии АН СССР, но при подчинении МОНК, но в середине 1948 г. она распоряжением Президиума АН была полностью передана под руководство Монгольской комиссии.

Другие исследования: геология и география, палеонтология, лимнология озера Косогол, зоология, историко-археологические и лингвистические работы — откладывались. Таким образом, акценты резко сместились в сторону практических народно-хозяйственных задач.

В феврале 1947 г. подписан договор между АН СССР и Комитетом наук МНР о проведении совместных исследований в Монголии. Он имел весьма значительные отличия от договоров 20-х годов, так как содержал в основном общие положения о планах работ, но достаточно четко разграничивал финансовые обязательства обеих сторон. Большая часть их возлагалась на МНР, но подчеркивалось главенство Академии наук СССР в руководстве работами [4, л. 89—92; 7, л. 118].

Комитет наук МНР на работы совместной сельскохозяйственной экспедиции в 1947 г. выделял 136 тыс. тугриков, а на остальные самостоятельные работы АН СССР — 100 тыс. тугриков [3, л. 1]. Судя по смете МОНК на 1947 г. [3, л. 2], Комиссия располагала средствами только на две экспедиции — сельскохозяйственную и геологическую. Палеонтологические исследования курировал Палеонтологический инсти-

тут АН СССР, а историко-археологические взял на себя Институт истории материальной культуры АН СССР. Таким образом, фактически в 1947 г. по линии МОНК начались только сельскохозяйственные работы.

Экономико-географическая группа, которая формировалась Институтом географии АН СССР, должна была затронуть широкий круг вопросов: дать информацию о существующем положении и перспективах развития МНР в связи с природными ресурсами; провести изучение социального состава монгольского худона, что было важно и для научных и для политических целей; изучить особенности организации кочевого хозяйства, для чего решено было провести выборочное статистико-экономическое обследование; исследовать товарооборот. В группу включалось 5 отрядов: экономический, климатологический, животноводческий, почвенно-ботанический и физико-географический.

Монгольская сельскохозяйственная экспедиция работала в МНР с 1947 по 1951 гг. Она и стала главным объектом приложения деятельности МОНК. Ни одна из других запланированных комиссией экспедиций ей отправлены не были. В дальнейшем до 1950 г. Комиссия продолжала включать в свои планы и геологические, и лимнологические, и этнолого-лингвистические работы. Особое значение ее руководство придавало проведению геологических исследований. В их задачи входило пополнение материалов для составления геолого-тектонической карты МНР, необходимой для поиска рудных месторождений, выяснение вопроса о связи геологического строения Монголии и рудных поясов СССР. В число главных задач ставилось также теоретическое обобщение всех собранных ранее и новых материалов.

В 1946 г. геологическая экспедиция не состоялась из-за проблем организационного характера. Это не означало отказа от намеченных планов, которые опирались на соответствующие договоренности между СССР и МНР о проведении совместных исследований в Монголии. Они воплощались в планах комплексных работ Комиссии на 1947—1951 гг. О месте геологии в этом плане свидетельствует тот факт, что в геологической экспедиции, согласно смете, должны были участвовать 24 постоянных и 32 временных сотрудника и расходы на нее должны были составить около 632 тыс. рублей, в то время как бюджет сельскохозяйственной экспедиции составлял 478 тыс. рублей на 18 постоянных и 5 временных сотрудников [3, л. 2]. Но ни в 1947-м, ни в 1948 г. геологические исследования по данному плану не проводились. Очередной пятилетний план предусматривал проведение геологических изысканий в 1949—1954 гг. [8, л. 160]. По нему число геологических отрядов даже возросло до семи, но и в 1949 г. геологи в Монголию не поехали. Последний план Комиссии, в который были включены геологические исследования, должен был быть выполнен в течение 1950—1955 гг. [10, л. 78—83]. Его постигла судьба всех предыдущих. Таким образом, несмотря на значительное внимание, уделяемое в планах Монгольской комиссии геологическим исследованиям, которыми предполагалось охватить всю территорию МНР, они так и не воплотились в жизнь. Геологические экспедиции Комиссии были ориентированы на решение долгосрочных задач теоретического свойства, в то

время как господствовала установка на достижение скорейшим образом целей сугубо практического характера. Подобной была судьба и остальных экспедиций Комиссии.

Уже в конце 40-х годов обозначился кризис Монгольской комиссии. Помимо отсутствия возможности реализовать широкие планы, поставленные в 1945—1946 гг., она не смогла в должной степени обеспечить кадровым составом и сельскохозяйственную экспедицию. Одним из главных критиков Комиссии стал начальник экспедиции П. В. Погорельский. Все проблемы ее работ он связывал именно с фактом руководства ею МОНК, приводя в пример весьма успешные исследования палеонтологической и историко-археологической экспедиций, организуемые научно-исследовательскими институтами. Еще в 1945 г. П. В. Погорельский при планировании сельскохозяйственных исследовательских работ в Монголии обращался в ЦК ВКП(б), говоря о необходимости тщательной подготовки экспедиции с учетом ситуации в этой стране. При этом он вспоминал как весьма плохо организованную комплексную экспедицию Монгольской комиссии 1930—1931 гг. [6, л. 139—143]. Через полтора года работы сельскохозяйственной экспедиции он напрямую возлагает всю ответственность за организационные трудности на МОНК, которая, по его мнению, просто не может осуществлять руководство подобной экспедицией. Эту точку зрения Павел Васильевич излагал в своих письмах к президенту АН СССР С. И. Вавилову [2, л. 6—8], в ЦК ВКП(б) и самому секретарю ЦК Г. М. Маленкову [2, л. 14—16]. Монгольская сторона в лице Президиума Комитета наук МНР хотя и благодарит в 1948 г. сельскохозяйственную экспедицию за проведенные исследования, но в то же время просит Президиум АН СССР принять меры для полного и своевременного выполнения запланированных ею программ [2, л. 1].

Однако в феврале 1949, когда на заседании бюро Отделения геолого-географических наук АН СССР, к которому относилась МОНК, был заслушан отчет Комиссии, ее работа была признана вполне удовлетворительной, а проблемы в организации экспедиционных работ предлагалось решить путем укрепления самой Комиссии [2, л. 12—13]. Ведь ее статус в структуре академических учреждений не был четко определен. Было решено просить Президиум АН СССР утвердить Положение о Монгольской комиссии и постоянный состав, а также перевести ее из Ленинграда, где она базировалась с момента образования, в Москву, где находились большинство ее сотрудников.

Тем не менее, судьба Комиссии, по-видимому, висела на волоске. Об этом свидетельствует весьма резкое обвинительное письмо В. А. Обручева, направленное многолетнему ученому секретарю МОНК И. П. Рачковскому 31 января 1950 г., где он указывает на тяжелую ситуацию, сложившуюся для Комиссии (Обручев обвиняет Рачковского в отсутствии у него научных трудов за ряд лет, что было одним из доводов сторонников ликвидации Комиссии) [12, л. 1]

Но все-таки МОНК была предоставлена возможность продолжить и завершить работу сельскохозяйственной экспедиции. 10 мая 1950 г. на заседании Президиума АН СССР было утверждено Положение о

Монгольской комиссии АН СССР, согласно которому она признается научным и организационным органом Академии наук и находится в ведении Отделения геолого-географических наук [10, л. 85—89]. В обязанности ее входит координация и обобщение научно-исследовательской работы институтов АН по изучению природных ресурсов МНР. Она должна рассматривать и согласовывать планы экспедиций и стационаров, утверждать их отчеты, передавать Комитету наук МНР результаты исследований, относящиеся к Монголии, а также печатать научные труды по полученным данным. Был утвержден состав Комиссии, в который вошли видные представители советской науки: академики, член-корреспонденты АН, доктора наук — ведущие специалисты различных отраслей науки. Примечательно, что П. В. Погорельский, главный противник МОНК, в это время уходит с должности начальника сельскохозяйственной экспедиции, которую затем возглавил чл.-корр. АН СССР Е. М. Лавренко.

Исходя из этого, можно прийти к заключению (так, вероятно, думали и руководители самой Комиссии), что МОНК была уготована перспективная длительная деятельность по изучению Монголии и впоследствии ее работы вновь приобретут широкий комплексный характер, как это было в довоенный период. Но монгольская сельскохозяйственная экспедиция закончила свои исследования в МНР в 1952 г., и вся дальнейшая деятельность Комиссии свелась к подготовке публикаций по результатам работы экспедиции и ее общего отчета, что стало последним делом МОНК.

Отчет о работе сельскохозяйственной экспедиции был одновременно итогом деятельности Комиссии за послевоенный период как учреждения по организации экспедиционных исследований в Монголии, и он вызвал немало споров и весьма противоречивых оценок от дышащих оптимизмом до крайне негативных. Во многом эту ситуацию объясняет тот факт, что перед экспедицией были поставлены помимо научных задачи, подчиненные требованиям определенной политики в социально-экономической сфере Монголии. Трудности в главной отрасли экономики страны — животноводстве предполагалось решить путем проведения более глубоких преобразований социалистического характера: активно провести переход к коллективным формам хозяйствования и долгосрочной плановой системе. Нечто подобное уже пытались сделать во времена т. н. «левого уклона» в 1929—1932 гг. Тот эксперимент закончился явной неудачей, чему был свидетелем П. В. Погорельский, проводивший экономические исследования в 1930—1931 гг. И одной из главных причин справедливо называлась неготовность монгольских аратов к скачку из феодализма в социализм. Перед Второй мировой войной в Монголии вводятся годовичные планы развития экономики, но, тем не менее, в ней господствовали индивидуальные аратские хозяйства. Сельскохозяйственная экспедиция 1947—1952 гг. должна была провести обследование ситуации в животноводстве, выяснить готовность его к преобразованиям на новом этапе и дать соответствующие рекомендации по их проведению. Ее работы шли параллельно с ходом 1-й монгольской пятилетки (1948—1952 гг.) и, по всей видимости, также обещали дать информацию об этом опыте в животноводстве.

Определенные свидетельства заставляют думать, что освещение положения в Монголии, которое дала экспедиция, часто представляло скорее желаемую, чем реальную картину. В конце 1952 г. в секретариате Президиума АН СССР был заслушан отчет Монгольской сельскохозяйственной экспедиции [11, л. 1—4]. На заседании присутствовали все сотрудники экспедиции, члены МОНК и представители Президиума. Важнейшую часть отчета составляла схема мероприятий для развития сельского хозяйства Монголии, их исторические и экономические обоснования, основанные на данных экспедиции. Весьма характерным моментом было то, что в проекте резолюции по отчету, несмотря на общую положительную оценку, большое, как указывалось, даже непропорционально большое место отводилось недостаткам в организации проведения исследований. В этом проявилась противоречивость оценок деятельности экспедиции. Ученый секретарь Президиума АН СССР акад. А. В. Топчиев предложил сократить эту негативную часть и в то же время выразил сомнение в целесообразности дальнейшего существования Монгольской комиссии. Вероятно, руководство Академии наук, не желая признавать неудачи экспедиции, все-таки определило для себя необходимость такого учреждения, как МОНК.

После А. В. Топчиева в атаку пошел П. В. Погорельский, который обвинил экспедицию и ее руководство в ошибочных положениях, в незнании экономической обстановки в Монголии и отрицал всю систему предложенных мероприятий в МНР. Он также упрекнул Институты экономики и востоковедения в том, что они потакали этим ошибочным выводам экспедиции, дав положительный отзыв на ее отчет. Его обвинения были напрямую направлены и против Монгольской комиссии.

Однако и руководство экспедиции в лице ее начальника чл.-корр. АН СССР Е. М. Лавренко, и представители МОНК акад. В. С. Немчинов, акад. И. М. Майский и другие ученые отвергли утверждения П. В. Погорельского и поддержали позиции экспедиции. В. С. Немчинов объяснил взгляды П. В. Погорельского и его единомышленников неверием в силу монгольского народа, стремлением законсервировать отсталое состояние монгольского сельского хозяйства и просто негативным отношением к Монгольской комиссии.

Тем не менее, А. В. Топчиев предложил образовать комиссию для рассмотрения имеющихся по отчету экспедиции возражений и окончательной выработки резолюции.

В декабре 1952 г. такая комиссия (составленная, к слову сказать, из защитников отчета экспедиции) собиралась несколько раз, и заседания проходили в форме дискуссии с позицией П. В. Погорельского практически по всем основным пунктам отчета.

В числе их комиссия рассматривала определение экспедицией основной тенденции в животноводстве. Таковой в отчете считалось соответствие этой отрасли строю народной демократии, т. е. переходному к социалистическому. При этом экспедиция не могла уйти от факта, что за последние годы имелось замедление роста поголовья скота, однако это отмечалось как частное явление на фоне общей успешной тенденции. П. В. По-

горельский же утверждал, что никакой устойчивой тенденции роста животноводства не наблюдается.

В отчете указывалось, что аратские индивидуальные хозяйства исчерпали свои возможности в новых общественных условиях и не могут обеспечить рост производства продукции. А П. В. Погорельский квалифицировал ситуацию в животноводстве не как замедление, а как упадок, и причиной этого назвал отнюдь не индивидуальные хозяйства, а налоговую политику государства, не дающую им развиваться.

Как уже было сказано, одним из самых важных мест в отчете можно считать рекомендации по дальнейшему развитию монгольского сельского хозяйства. Указывалось, что упор нужно делать на создание простейших форм кооперирования аратских хозяйств и госхозов. При этом предполагается не проведение массовой коллективизации, а постепенный переход к кооперативным объединениям без обобществления средств производства. Павел Васильевич, напротив, доказывал, что и это еще преждевременно. Он предлагал ограничить развитие коллективных форм производства созданием образцов и негативно относился к строительству госхозов.

Дискуссия закончилась в пользу экспедиции: комиссия отвергла все возражения П. В. Погорельского, определив их как ошибочные, характеризующие его стремление к консервации индивидуальных хозяйств. Она утвердила представленный экспедицией вариант отчета практически без изменений, а вслед за ней 27 февраля 1953 г. отчет был утвержден и Президиумом АН СССР [13, л. 19].

Выводы, сделанные в отчете экспедиции, вполне соответствовали курсу, который был взят монгольским правительством после не вполне удачного завершения 1-й пятилетки. Тем не менее, можно сказать, что экспедиция не смогла четко определить ситуацию в животноводстве страны, причины неудач в этой отрасли и представить точно аргументированные рекомендации по ее развитию, о чем свидетельствует дискуссия с П. В. Погорельским. И хотя деятельность экспедиции была официально одобрена (вполне справедливо, поскольку ее сотрудники, несомненно, провели большую исследовательскую работу, на материалах которой были созданы серьезные, иногда даже фундаментальные труды, такие, например, как книга И. Ф. Шульженко «Животноводство МНР» (М., Л., 1954), основательнейшая работа В. Ф. Шубина «Земледелие Монгольской Народной Республики» (М., 1953) и другие) руководству АН СССР были видны проблемы организационного характера, ответственность за которые несла Монгольская комиссия. В самой Комиссии также понимали, что в ближайшем будущем судьба ее должна решиться.

К весне 1953 г. Президиум Академии Наук уже решительно ставит вопрос о ликвидации Комиссии. Председатель МОНК В. А. Обручев, не участвовавший в дискуссиях по отчету сельскохозяйственной экспедиции по болезни, теперь активно борется за существование учреждения, в котором он состоял четверть века и которое представлялось ему одним из важнейших звеньев в системе научных связей с Монголией и в истории изучения этой страны. Он обращается к президенту АН СССР акад. А. Н. Несмеянову, дока-

зывая необходимость сохранения Комиссии, единственного органа — преемника еще дореволюционных исследований Центральной Азии. В. А. Обручев для повышения эффективности работы МОНК предложил преобразовать ее в Комитет по изучению природы стран Внутренней Азии при Совете по изучению производительных сил при АН СССР [11, л. 6]. С поддержкой мнения В. А. Обручева выступил его заместитель в МОНК и одновременно председатель СОПС акад. В. С. Немчинов, призывая более осторожно рассматривать вопрос о судьбе Комиссии, которая была носителем огромного опыта научных исследований в Монголии и органом помощи русской науки Монгольской Народной Республике в изучении ее природных ресурсов. В. С. Немчинов также предлагал передать Комиссию под руководство СОПС [11, л. 8—9].

Нельзя сказать, что в Президиуме АН СССР отнеслись к аргументам сторонников сохранения МОНК абсолютно равнодушно. Выдвигалась идея передать Комиссию Институту востоковедения АН СССР (ИВАН). Этот вопрос серьезно обсуждался в Ученом секретариате АН СССР. Но поскольку ИВАН не занимался вопросами изучения природных ресурсов, на что была ориентирована Комиссия после войны, этот вариант отпал [11, л. 8].

В конце концов решение было принято. 15 мая 1953 г. постановлением Президиума АН СССР Монгольская комиссия была ликвидирована. Президент АН СССР А. Н. Несмеянов в письме В. А. Обручеву 30 мая писал: «Уточняя структуру Академии Наук СССР, Президиум счел необходимым большую часть комиссий передать институтам, а другую часть комиссий ликвидировать. Это позволит сосредоточить всю научную и научно-организационную деятельность Академии в ее институтах и Бюро отделений... Монгольская комиссия была создана в свое время для оказания помощи развитию науки молодой народной республики. В настоящее время возник ряд народно-демократических республик, и в Советском Союзе созданы соответствующие учреждения для оказания им научной и научно-технической помощи, поэтому нет необходимости иметь особую Монгольскую Комиссию...» [11, л. 10].

Однако борьба на этом не заканчивается. В. А. Обручева вовсе не удовлетворили объяснения президента АН СССР. 10 июня он с болью пишет в Президиум АН: «...В связи с ликвидацией Монгольской Комиссии... исследование областей Внутренней Азии, начатое Географическим Обществом в 1870 г., как будто признано ненужным...» Знаменитый ученый напомнил, что Комиссия около 30 лет организовывала изучение географии, геологии, сельского хозяйства различных областей Монголии и Китая, и утверждал, что теперь ставится крест не только над всем этим, но и над экспедициями Н. М. Пржевальского и его преемников. Фактически В. А. Обручев просил Президиум АН СССР создать возможность для продолжения работ, выполнявшихся Комиссией [11, л. 13].

Днем раньше на заседании бюро Отделения геолого-географических наук АН СССР было принято решение просить Президиум АН отложить ликвидацию МОНК хотя бы до конца 1953 г., чтобы дать ей завершить проводимые работы по обработке материа-

лов и изданию трудов, а фактически продлить ее существование как учреждения, необходимого для сохранения преемственности исследований во Внутренней Азии. Через некоторое время ОГГН вновь обращается в Президиум АН с посланием, где указывалось, что ликвидация Комиссии нанесет удар по советской помощи Монголии, и снова содержалась просьба отложить эту ликвидацию [11, л. 15].

Письма такого характера продолжал писать и В. А. Обручев, по-прежнему предлагая реорганизовать МОНК в Комитет по изучению природы Внутренней Азии или передать Комиссию СОПС. Однако в СОПС Комиссия войти не могла, так как этот Совет занимался изучением производительных сил исключительно на территории СССР.

Президиум АН СССР безоговорочно поставил точку в этой борьбе 20 июля 1953 г., направив письма в ОГГН, В. С. Немчинову, В. А. Обручеву, где четко указывалось: «В связи с ходатайством Отделения геолого-географических наук от 9.VI об отмене постановления Президиума 15.V. с. г. о ликвидации Монгольской комиссии сообщая, что для удовлетворения этой просьбы Президиум не находит оснований...» [11, л. 31].

Итак, Монгольская комиссия прекратила свое существование после 27-летней деятельности по изучению МНР. Ее судьбу определил целый комплекс причин. К середине XX в. в советской науке происходят изменения, приведшие к новому этапу в ее развитии. Научная деятельность, подготовка научных кадров, накопленный опыт исследований выдвигают на ведущие роли в структуре Академии наук исследовательские институты, которым к этому времени уже не нужна такая организующая и централизующая структура, как МОНК, которая ставит задачи, требует сотрудников, но реально помочь в выполнении их не может из-за отсутствия действенных рычагов в ее руках. Этим и были обусловлены те организационные трудности сельскохозяйственной экспедиции, которую Комиссия не смогла обеспечить научными кадрами.

За время сотрудничества с МНР с помощью СССР создавалась собственно монгольская научная база, и экспедиции в Монголию в послевоенные годы все чаще приобретают совместный характер. Теперь реальные контакты опять же завязываются с конкретными институтами. Примерами этого стали Палеонтологическая (1946—1949 гг.), Историко-археологическая (1947—1949 гг.) экспедиции. Монгольская комиссия в этих новых условиях оказывалась уже лишней.

Рассматривая деятельность Комиссии в конце 40-х—начале 50-х годов, можно видеть, что ее изначальное предназначение — организация комплексных исследований — к данному времени претерпело изменения. Фактически произошел отход от комплексности: несмотря на запланированные работы в самых широких областях науки, все внимание МОНК сосредоточилось на сельскохозяйственной экспедиции. В данном случае проявились важные взаимосвязанные тенденции. От экспедиций, направляемых в Монголию уже с 30-х годов требовалось прежде всего достижение сугубо практически полезных результатов, которые могли быть сразу пущены в дело. Как сельскохозяйственная экспедиция 1947—1952 гг., так и более ранняя комплексная экспедиция 1930—1931 гг.

должны были самым скорым образом способствовать решению социально-экономических проблем МНР. Это резко сузило фронт работ, который Комиссия брала на себя изначально: из ее внимания сразу выпали исследования этнолого-лингвистические, археологические, антропологические, палеонтологические, а затем и геологические. Из обширного комплекса ботанических и зоологических работ остались только относящиеся к сельскому хозяйству Монголии.

Все это, конечно, объяснимо трудностями финансового порядка. Страна, разоренная войной, должна была выбирать приоритетные сферы вложения средств, в том числе и в науку. Таким образом, главная функция МОНК — организация широких комплексных экспедиционных исследований в МНР — была утрачена.

Это вполне можно связать с названным выше новым этапом в развитии отечественной науки. Комплексные исследования широкого плана давали важный материал в начальный реконструктивный период научного знакомства с Монголией. Монгольская комиссия направляла свои первые экспедиции в страну, почти абсолютно не изученную систематически. После четверти столетия различных изысканий как советских, так и монгольских ученых встала задача проведения более углубленных работ, чем и стали заниматься отдельные институты.

Нельзя, однако, не признать справедливость аргументов сторонников продолжения работы такого научного органа, как МОНК в реорганизованном виде. Но имело место влияние факторов иного рода. О них упоминал в письме В. А. Обручеву президент АН СССР А. Н. Несмеянов, говоря о появившихся странах народной демократии. Действительно, до войны Монголия — единственный союзник, последователь в строительстве социалистического общества, буферное с Китаем государство. Тесное сотрудничество с этой страной считалось одним из приоритетных направлений внешней связи СССР.

Ситуация кардинально изменилась после войны, когда ряд государств Восточной Европы взяли при содействии СССР курс на строительство социализма. На Востоке также происходил подобный процесс, приведший к тому, что ближайшие соседи Советского Союза — Северная Корея, а главное, огромный Китай после победы коммунистов начали воплощение в жизнь социалистических идей и оказались в его сфере влияния. В таких условиях Монголия в значительной степени потеряла прежнее место и значение в глазах советского руководства, что естественно сказалось и на научных связях, и на судьбе Монгольской комиссии. Некоторые ее сотрудники были привлечены для участия в советско-китайских экспедициях.

Возможно, существование МОНК даже несколько продлилось благодаря авторитету ученых, ее возглавлявших: В. Л. Комарову — одному из главных сторонников и организаторов комплексных исследований, В. А. Обручеву, Б. Б. Польнову. Но с уходом многих из них умерла и Комиссия.

Несмотря на все повороты в ее истории, влияние различных ненаучных факторов, можно сказать, что работы Монгольской комиссии имели важнейшее значение для экономического и культурного развития Монголии, а также стали базой для последующих исследований.

Список сокращений

АВ СПбФ ИВРАН	— Архив востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской Академии наук	МОНК	— Монгольская комиссия
АН СССР	— Академия наук СССР	ОГГН	— Отделение геолого-географических наук АН СССР
АРАН	— Архив Российской Академии наук	СОПС	— Совет по изучению производительных сил при АН СССР

Источники и литература

1. АВ СПбФ ИВРАН Ф. 104, оп. 1, д. 164.
2. АВ СПбФ ИВРАН Ф. 104, оп. 1, д. 166.
3. АРАН Ф. 339, оп. 1, д. 1.
4. АРАН Ф. 339, оп. 1, д. 2.
5. АРАН Ф. 339, оп. 1, д. 3.
6. АРАН Ф. 339, оп. 1, д. 4.
7. АРАН Ф. 339, оп. 1, д. 6.
8. АРАН Ф. 339, оп. 1, д. 8.
9. АРАН Ф. 642, оп. 3, д. 109.
10. АРАН Ф. 642, оп. 3, д. 116.
11. АРАН Ф. 642, оп. 3, д. 136.
12. АРАН Ф. 642, оп. 4, д. 138.
13. АРАН Ф. 642, оп. 4, д. 870.
14. В Монгольской комиссии АН СССР // Вестник АН СССР. 1945. № 9.
15. История советско-монгольских отношений. М., 1981.
16. Мурзаев Э. М. Географические исследования Монгольской Народной Республики. М.; Л., 1948.
17. Мурзаев Э. М. Годы исканий в Азии. М., 1973.
18. Советско-монгольские отношения 1921—1974. Т. 2. 1941—1974. Часть 1: Сб. док. М.; Улан-Батор, 1979.
19. Труды Монгольской комиссии. Вып. 40. М., 1951.
20. Труды Монгольской комиссии. Вып. 41. М., 1951.
20. Труды Монгольской комиссии. Вып. 52. М., 1953.